

Р. Ф. Брандт

**Краткая фонетика и морфология болгарского
языка**

Лекции

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Р11

Р11 **Р. Ф. Брандт**
Краткая фонетика и морфология болгарского языка: Лекции / Р. Ф. Брандт – М.: Книга по Требованию, 2013. – 38 с.

ISBN 978-5-518-06053-1

ISBN 978-5-518-06053-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

или слѣнце. Обыкновенно послѣдочная огласовка замѣчается передъ двумя созвучниками: мѣлчѣм, но млѣнем, гѣрнѣ горшокъ (*грѣна), но грѣнчѣрин (грѣнчура). Послѣ шипящихъ ч и ж вмѣсто гр и ѣ мы находимъ ер, ел: урѣмъ, жмѣмъ звучать черн и жѣлт. Областная рѣчь представляетъ также созвучіе ѣр со слоговымъ р: при (какъ по-сербски). Различіе между слоговыми р и ѣ и слогами рѣ, рь, лѣ и лѣ для болгарской рѣчи не имѣетъ значенія: грѣмѣ произносится грѣмѣ и гѣрмѣ, блѣмѣ—блѣхѣ и бѣлѣхѣ.

Звукъ ѣ въ произношеніи болгаръ, какъ и всѣхъ славянъ, отчасти совпадаетъ со звукомъ е, но только отчасти. На письмѣ удерживаютъ букву ѣ, нерѣдко употребляя ее, подобно русскимъ, некстати. Въ выговорѣ сохранился слѣдъ ѣ въ томъ, что подѣ удареніемъ, передъ слѣдующимъ твердымъ созвучникомъ, ѣ перенелъ въ я (а съ предшествующей мягкостью). Такимъ образомъ ѣ слѣдуетъ читать за я въ словахъ мѣсто, хлѣбъ, плѣва (мякина), желѣзо, чолѣк (уловѣкъ), бѣл, -ло, -ла. Съ другой стороны ѣ произносится какъ е во множномъ числѣ мѣста, въ уменьшительницахъ мѣстеце, хлѣбецъ, плѣвничка, въ прикладкѣ желѣзенъ, въ зѣвникѣ чолѣче и во множинѣ бѣли. Надо полагать, что основной болгарскій выговоръ ѣ былъ ѣ (е широкое), которое передъ мягкостью суживалось въ е, а передъ твердостью еще болѣе разширялось. Противъ этого объясненія можно бы возразить, что болгарскій языкъ не знаетъ рѣзкой противоположности между мягкостью и твердостью—однако все-таки и по-болгарски, напр., звукъ ѣ въ слогахъ ле, ли мягче, чѣмъ въ ла, ло, лу; допускаемое же другими вліяніе слѣдующаго гласника сквозь созвучникъ — совершенно неестественно. Въ исходѣ ѣ звучитъ какъ е: напр. нозѣ нозѣ, но также какъ я: изгорѣ (д. б. подѣ вліяніемъ другихъ лицъ, напр. изгорѣхъ). Въ областной, а именно западной, рѣчи, встрѣчается постоянная замѣна ѣ черезъ е.

Разнясь отчасти отъ звука е, ѣ зато совпадаетъ съ іотованнымъ а, которое передъ мягкостью тоже сузилось въ е: јѣма, множное число—јѣми. уменьшительница—јѣмичка, пијѣн, множина—пијѣни (пишу здѣсь для ясности ја и је вм. буквъ я и е); такимъ же образомъ слово жѣба лягушка (жѣ—мягкое) образуетъ жѣби, жѣбичка. Исключеніе составляютъ тѣ слова, гдѣ ј не постоянный, а появляется лишь иногда, какъ призвукъ: ѣгне рядомъ съ болѣе употребительнымъ ѣгне (ѣгна, ѣгненокъ), ѣзи, ѣзика вмѣсто обыкновеннаго ѣзи, ѣзика (ѣзъ въ сліяніи съ частицами зи и ка).

Ѧ по-болгарски превратился въ глухое, неясное а, т. е. совпалъ съ ѧ. Миклошичъ въ Сравнительной грамматикѣ и замѣняетъ его бук-

вою з, а братья Цанковы въ своей грамматикѣ, напечатанной латинскимъ шрифтомъ, черезъ равное з—û. Такимъ образомъ слова, которыя пишутся д ж б ъ, с ж д ъ, м ж в а произносятся д ъ п, с ъ т, м ѣ в а. Начальный ж принимаетъ призвукъ *е*: в ж же веревка изъ жжъ, в ж з е л изъ жжъ. Сравнимъ польскія waż змѣя, wezeł. Совпавши съ з, ж раздѣляетъ также его подвижность: глухой, нѣкогда стоявшій въ видѣ ж позади плавнаго, можетъ стать по другую сторону его—вм. основного прѣтъ является выговоръ пр ѣ т и п ѣ р т, вм. *грѣди — гр ѣ д ѣ и г ѣ р д ѣ. Перейдя въ з, ж въ иныхъ говорахъ проявляется въ о: мжъ напр., превратясь сперва въ м ѣ ж, даетъ м о ж. О ж въ мягкихъ слогахъ см. нѣсколько ниже.

А по-болгарски превратился въ е, т. е. утратилъ носовой пазвукъ. Примѣры: староцерковныя радъ, масо, пата, тажъкъ звучатъ ред, м е с о (или м е с о́), п е т а́, т е ж ѣ к. Съ ж въ среднеболгарскомъ языкѣ совпалъ отчасти, а именно въ мягкихъ слогахъ, ж — оттого мы встрѣчаемъ выговоръ г л а в н е́ головня, головешка (=винильнику́ глѣнѣкъ), п ѣ ш е (пишъ); однако по большей части мягкія окончанія заимствуютъ ж у твердыхъ.

Въ мѣстномъ употребленіи, въ западной Македоніи, около Охриды, Битоля и Костура (Касторіи), встрѣчаются остатки носового *пазвукъ*, — въ видѣ чистыхъ созвучниковъ *и* и *м*, напр. м ѣ н д ѣ р, з ѣ м б и, ј е н з и к. Странно, что это бываетъ лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, и что даже одно и то же слово не во всѣхъ своихъ формахъ выдерживаетъ носовика: ряды будутъ р е н д о́ в е, а ряд—ред.

Звукъ *ы* у болгаръ перешелъ въ *и*, напр. с и н, р ѣ б а, в л а д ѣ в а (владыка, т. е. епископъ).

Начальное *е* нрѣдко обходится безъ *призвукъ*: произносятся ј е д ѣ н и э д ѣ н, ј е з е р о и э з е р о (пишутъ обыкновенное *е*).

Относительно п л а в н о-ч и с т ы х ъ созвучій, гдѣ по-русски полногласные слоги *оро*, *оло*, *ере*, *еле*, болгарскій языкъ сходится съ церковнославянскимъ. Примѣры на *ра*, *ла*: г р а́ д, б р а́ д а, г л а́ в а, б л а́ т о; на *ръ*, *ль*: б р ѣ́ г берег, б р ѣ́ с т берест (вязъ), п л ѣ́ в а — областное полѡва (макина), м л ѣ́ к о (или м л ѣ́ к о́) молоко. Между *ч* и *р* развилось вторичное *е*: черѣсло пестъ, сошникъ (переходъ значенія странный, но едва ли это можетъ быть другимъ словомъ, какъ урясло), черѣша черешня, вишня. Нельзя не смущаться нѣсколько словами ч е́ р е н ч е́ ренокъ у ножа и ч е́ р е п, гдѣ на вставочное *е* приходится удареніе—ужь не руссизмы ли это, пришедшіеся подъ стать болгарской фонетикѣ? Черя и чере вм. чря, чре сравнимъ съ чер вм. чѣр, чрѣ.

Будучи безударными, болгарскіе гласники, подобно русскимъ, звучать неясно. Безударное *a* совпадаетъ съ *z*: такъ, въ словѣ *заграда* огороженное мѣсто только среднее, ударяемое, *a* звучитъ чисто, а другія два—глухо: *зъградъ*. Также въ словѣ *градина* садъ оба *a* глухи. Особенно глухо первое, по сѣдѣству съ *p*, и оно даже приобрѣло подобно *z* подвижность, такъ что можно произнести *гърдѣнъ*; точно также *вм. странѣ* произносятся и *стърнѣ*. Звукъ *e* при отсутствіи ударенія превращается въ *и*; это происходитъ и съ *e* изъ *л*. Сестра произносится *систерѣ*, теле телѣнокъ—*тилѣ* или же *телѣ*. *Ѣ* обыкновенно не измѣняется въ *и*: *звѣзда* представляетъ звукъ *e*, но въ говорахъ встрѣчается и *звиздѣ*. Безударное *o* даетъ *у*: произносятся, напр., *вудѣ*, *дубрутѣ*. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что (отчасти вѣроятно подъ вліяніемъ письма, отчасти подъ вліяніемъ областной рѣчи) это измѣненіе безударныхъ гласниковъ не вполне выдерживается.

Что до акцентовки, то въ болгарскомъ языкѣ удареніе, и по качеству, и по мѣсту, довольно сходно съ русскимъ. Относительно мѣста однако все-таки не разъ замѣчаются отступленія, иногда притомъ весьма странныя. (Говорю здѣсь о восточно-болгарскомъ произношеніи: у Македонцевъ появляются совсѣмъ инныя акцентовки. смачивающія на сербскую). Въ болгарскомъ языкѣ удареніе нерѣдко колеблется: произносятся, напр., сходно съ русскимъ *мясо*—*мѣсо*, но чаще *месѣ*; рядомъ съ *мѣсто* есть и *мѣстѣ*. Въ этихъ примѣрахъ удареніе сравнительно съ русскимъ выдвинуто къ концу слова; другіе же представляютъ оттяжку къ началу, напр. *гнѣздо*, но и *гнѣздо*, *орѣх* и *брѣх*. Въ иныхъ случаяхъ отступленія болгарскаго языка отъ русскаго легко объяснить, при чемъ оказывается, что надо считать русскую акцентовку болѣе древней. Такъ однинное 1-воличье настоящаго по-болгарски не разъ представляетъ накоренное удареніе вмѣсто русскаго насуффикснаго, напр. *пѣшѣ*, *мѣлишѣ*, при русскихъ *пишѣ*, *молю*, гдѣ болгарскій выговоръ естественно объясняется примѣненіемъ къ другимъ лицамъ—*пѣшѣшѣ*, *мѣлишѣшѣ* и т. д. Акцентованіе *пѣшѣ* (слышится и—*пѣшѣ*) можетъ быть оправдано тѣмъ, что основной фоновою надо считать *пѣшѣ*, и что *и*, будучи вносимо въ настоящее изъ инфинитивныхъ формъ *пишѣ*, *пили*, могло быть взято изъ нихъ прямо въ ударяемомъ видѣ. Вторичною слѣдуетъ признать также акцентовку нѣкоторыхъ множествъ, напр. *копачѣ* при русскомъ *копачѣ*—это очевидное примѣненіе къ однинѣ *копачѣ*.

Согласные звуки.

См я г ч е н і е. Мгновенные *зубный т* и *д* смягчаются въ *шт* (пишутъ *ш*) и въ *жд*, т. е. такъ же, какъ въ стародерковномъ. Напр. м а щ е х а, к ж щ а (русское книжное купца)—домъ, комната, п л а щ а ш (многократный видъ къ просто несовершенному платиш); р ѣ ж д а. (ржа, ржавчина), м е ж д а (межа, граница), р а ж д а ш (многократный видъ къ несовершенному родиш). Македонскіе говоры (однако не всѣ) представляютъ вм. *шт* болѣе-менѣе приближающіяся къ сербскому й (мягкому ч) *мнѣя* к и *т*: к е р к а или т е р к а вм. д ѣ щ е р к а, щ е р к а, к ѣ к я или к ѣ т я вм. к ж щ а. Это естественно объяснять смѣшеніемъ на западѣ болгарскаго элемента съ сербскимъ. (Въ нашихъ примѣрахъ сербское вліяніе сказывается еще въ появленіи у вм. ж).

Смягченіе *зубныхъ*—беззвѣтное: г ѣ б ѣ ж, к а п ѣ ж, л ѣ в ѣ ж, з е м ѣ ж. Элевое смягченіе у сербовъ, словенцевъ и въ стародерковномъ заставляетъ думать, что л нѣкогда былъ и въ болгарскомъ, и исчезъ лишь послѣдствіемъ, въ большинствѣ случаевъ не звуковымъ путемъ, о чемъ рѣчь будетъ въ отдѣлѣ глагольныхъ формъ.

Шипящіе по-болгарски мягки: ж и в, ж и я, ж е л т, ш е с т (числовка), ч а с, ж а б а, ш а п к а, ш у м, ч ѣ д о. Букву *ш*, какъ равную *шт*, конечно не слѣдуетъ читать мягко. (Срв. сказанное о болгарскихъ созвучникахъ на стр. 3, по поводу звука *ш*).

Вмѣсто *з* и *ж* въ областной рѣчи попадаются *дз* и *дж*, что похоже на архаизмъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно, а вѣроятно и во всѣхъ, представляетъ вторичное измѣненіе: д э в ѣ з д а вм. з в ѣ в д а, д з в ѣ н е ц вм. з в ѣ н е ц (колокольчикъ), д ж е л ѣ з о нм. ж е л ѣ з о.

Звукъ *х* въ областной рѣчи нѣмѣетъ. Особенно часто вм. х л ѣ б произносятся л ѣ б. Подобнымъ же образомъ х а б ѣ ш (портишь) превращается въ а б ѣ ш. (Глаголь этотъ, бытующій въ словенскомъ языкѣ, въ видѣ *habiti*, одного корня съ русскими словами *у-хаб* и *по-хаб-ный*).

Звукъ *в* въ зачинѣ, передъ другимъ созвучникомъ, нрѣдко отпадаетъ: *водница* звучитъ д о в ѣ н ц а, *вробче* (**врашъа*, воробченокъ) можетъ произноситься р а п ч е. Условія сохраненія *в*, напр. в р а т а д в е р и, в л а к н о, не выяснены. Предлогъ *в*, напр. в д а в а се в д а е т с я, можно считать возстановленнымъ ради смысла. Несомнѣнно путемъ подражанія, по образцу какого-нибудь в т е ч е (*вѣтѣе*), гдѣ *в* перешелъ въ *ф*, возникли нелитературныя ф р е ч е с а об ѣ щ а л с я и ф л е й (**вѣрѣе* с а, *вѣла*). Предлогъ *къ* прини-

маеть еще иной видъ: болгаре его охотно удваиваютъ и говорятъ, напр., вѣф или фѣф мѣжа; хотя на письмѣ удвоеніе обыкновенно не выражается. То же самое нужно сказать о предлогѣ съ, съ удвоеніемъ—със: със колѣчи.

Нерѣдко выпадаетъ в и позади другихъ созвучниковъ: изъ основного сътворими вышло стóриш. изъ глòзди—гòзди ѿ. Теряется и зачинное в передъ гласникомъ о, и вмѣсто вòсък, водá слышится óсък, одá (вудá, удá).

Тотъ же звукъ в въ соединеніи съ ж сливается съ нимъ въ одинъ средний звукъ, т. е. въ ѳ, хотя на письмѣ сохраняется этимологическое начертаніе. Такъ хвалими и предполагаемое хвалитими хватаешъ звучать фáлиш, фáшташ. Миклошичъ утверждаетъ, будто тутъ ѳ получился изъ одного ж, а в выпало; однако гораздо естественнѣе говорить о сляніи, къ тому же привлекаемый Миклошичемъ переходъ ж въ ѳ (м у ф á вм. моука, праф вм. пражъ), хотя и существуетъ, но лишь какъ мѣстное явленіе, а ѳ изъ жх—общеболгарское.

Упомяну еще объ отпаденіи звука т, равнаго основнымъ сочетаніямъ тѣ, дѣ, тѣ и дѣ, именно послѣ звуковъ с и ш (основныхъ или замѣнившихъ голосовые з и ж). Слова троздѣ, кость, печь, дждѣ произносятся грос, кос, пеш, дѣж. Такимъ же образомъ велительное наклоненіе виждѣ звучитъ виш, и представляетъ какъ-будто русское смягченіе—простое ж, вм. жд.

Замѣтимъ наконецъ нѣсколько случаевъ выпаденія созвучниковъ. Выпускается, какъ и по-русски, т изъ созвучія стн, напр., врѣс(т)никъ ровесникъ. Подобнымъ же образомъ упростилось сочетанье зобъ въ словѣ гòзба блюдо, кушанье—сравнимъ сѣвернорус. юзба, и основную фонему гостѣа. Группа тст даетъ ст: богá(т)ство, госпо(д)ствó. Въ томъ же родѣ юнáство изъ основного *юнауство—юнáкъ молодець, герой. Сочетанье чск перешло въ шк: юнáшкѣ изъ *юнаушкѣ. И созвучіе штн, что пишется шн, превращается въ шн, напр. нóш(т)ни. Сходно, но не вполне, русское авашнóй вм. овишнóй. Тѣмъ же путемъ изъ основной фонемы рождѣа получилось рóжба вм. рождба, подобно вышепомянутому виж, какъ-будто съ русскимъ смягченіемъ.

М о р ф о л о г і я.

Именные формы.

Болгарскій языкъ разнится отъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ, и сходится съ романскими, почти полною утратою скло-

ненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тоже развилъ себѣ членъ. По происхожденію опредѣленный членъ есть указательное мѣстоименіе—въ болгарскомъ языкѣ членомъ служить мѣстоименіе *тъ, та, то*, поставляемое позади предметницы. *Та* и *то* употребляются именно въ такомъ видѣ: *книгата, реброто*. Мужское же *тъ* подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ. Ъ его при сліяніи съ предметницею имѣеть, зато сохраняется ѣ у предметницы, такъ что, напр. *ржкѣтъ* даетъ *ржкѣвътъ*. Здѣсь членомъ съ этимологической точки зрѣнія служить одинъ созвучникъ *т*; но народное сознаніе, по сравненію съ безчленнымъ именемъ *ржкѣвъ*, признаётъ за таковой *тъ*. Членъ *тъ* имѣеть областныя разновидности *-а, -от, и -о*: *ржкѣва, -вот, -во*. Нѣсколько странно отпаденіе *т*, а также появленіе члена *от* въ такихъ говорахъ, которые вообще не знаютъ прѣясненія ѣ въ *о*. Замѣтимъ еще, что мужскія азѣвки принимаютъ женскій членъ: *владѣката, ловчѣята* (ловчѣя—охотникъ). Во множномъ числѣ членъ имѣеть общую форму для мужскаго и женскаго рода—*тъ*: *ржкѣвитѣ, книгитѣ*. Можно бы думать, что *тъ* есть только дурное правописаніе *вм. ти*, = староцерк. *ти* и *ты*, но оно проводится слишкомъ послѣдовательно, и надо полагать, что *тъ* (какъ и русское *тъ*) дѣйствительная живая форма, перенявшая ѣ у косвенныхъ падежей *тѣхъ, тѣмъ, тѣми*. Множинный членъ средняго рода звучитъ *та*: *ребрата*. Съ болгарскимъ членомъ тождественна русская частица *-то*: *дѣло-то, мужик-то, дѣти-то*, которая въ народной рѣчи (отчасти и у писателей) измѣняется по числамъ и родамъ, и въ меньшей мѣрѣ даже по падежамъ: *мужик-от, корова-та, дѣти-тѣ, корову-ту*. Безъ надобности, по моему, предположилъ Миклошичъ, что постпозитивность члена коренится въ особенностяхъ неизвѣстнаго намъ древнефракійскаго языка: Миклошичъ при этомъ имѣлъ въ виду повтореніе такого порядка у ближайшихъ сосѣдей болгаръ—румынъ и албанцевъ, у коихъ мы находимъ *lup* и *lupul* (*lupus ille*: и передъ членомъ подобно болгарскому ѣ въ *ржкѣвътъ*), *sarğa* и *sarğa* (ѣ читается, какъ глухой гласникъ, *sarğa* = *sarğa ea*); по-албански *kjën*, = греч. *κύων* собака, съ членомъ *kjëni*. Припомнимъ, что по-староцерковному мѣстоименіе свободно можетъ стоять позади предметницы, и отмѣтимъ, что, безо всякой связи съ фракійцами, къ той же постановкѣ члена пришли шведы и датчане: по-шведски, напр. крестьянинъ—*bonde*, служанка—*piga*, слово—*ord*, а съ членомъ—*bonden, pigan, ordet*.

Относительно болгарскаго члена слѣдуетъ замѣтить еще одну оригинальную черту, которая нигдѣ не повторяется, а именно ту, что онъ нерѣдко принимаетъ на себя удареніе, при чемъ предметница оказы-

вается безударною. Это составляет правило у односложекъ мужскаго рода, напр. студ холодъ — студѣтъ, срамъ — срамѣтъ, мжж — мжжѣтъ. Однако есть исключенія: столѣтъ, ножѣтъ, конѣтъ. Членъ акцентуется также у словъ женскаго рода съ созвучнымъ окончаніемъ, т. е. у словъ принадлежавшихъ къ ижевому склоненію: длань рука — дланѣтъ, болѣсть болѣзнь — болѣстѣтъ, хубость красота — хубостѣтъ.

Македонскіе говоры въ качествѣ члена употребляютъ и другія мѣстоименія, именно *онъ* и *онѣ*, при чемъ съ первымъ сопряжено понятіе близости, а со вторымъ — отдаленности, нѣсколько отличающія ихъ отъ безцвѣтнаго члена *от* (*отъ*, *атъ*). Напр.: „сакам кукяса да ми се стори како царскине сараи, и на часот се сторице како царскине сараи“ — хочу, чтобы (этотъ вотъ) домъ мой сдѣлался какъ (тѣ тамъ) царскія палаты, и тотчасъ сдѣлались какъ бы царскія палаты. Въ иныхъ мѣстахъ *вм. онъ* является *съ*: волатъ, воланъ и воласъ; конетъ, коненъ, конесъ; пушката (пушка — ружье), пушкана, пушкаса; морето, морено, моресо.

Остатки именного склоненія.

Множное число у древнихъ ерововъ представляетъ окончаніе *и*, въ коемъ, надо думать, совпали назывничное *и* съ винильными и творничными *и*: жб — жби, овѣн — овнѣи, орачъ пахарь — орачи, юнак — юнаци, съпрѣг — съпрѣзи, сиромѣхъ бѣднякъ — сиромѣси. Сомнительно конечно, можно ли выводить *и* въ мягкомъ различіи также изъ винильнаго *и*, а смягченіе задненѣбныхъ уже несомнѣнно идетъ изъ назывнаго падежа; но все-таки странно предполагать вслѣдъ за Миклошичемъ простую замѣну всѣхъ другихъ падежей — назывнымъ. И у азововъ мы видимъ *и*, разившееся при твердомъ окончаніи изъ древнихъ *и* назывно-винильнаго падежа и перенесенное также на слова мягкаго окончанія: крѣва, кнѣга, мрѣжа сѣтъ, дѣня арбузъ — крѣви, кнѣги, мрѣжи, дѣни. То же *и*, но равное древнему *и*, мы видимъ у ижевовъ: пещ — пещѣи, нощ — нощѣи, болѣсть — болѣстѣи. Присвоенная этимъ множинамъ окончанія должна быть объясняема примѣненіемъ къ утраченнымъ въ послѣдствіи косвенникамъ, сравнимъ рус. печей, печамъ, печами, печахъ. Исключеніе составляютъ длань — длани и вѣрв — вѣрви. Оновки принимаютъ, также назывно-винильничное, *а*: ребро — ребра. Отмѣтимъ еще насчетъ ударенія, что у азововъ лишь изрѣдка замѣчается, соотвѣтственно русскому и сербскому (очевидно уже праславянскому) употребленію, накоренное удареніе во

мно́жномъ числѣ при насуффиксномъ—одинаго: обыкновенно говорятъ в о д ѣ, и г р ѣ; однако, съ л з ѧ почти всегда представляетъ множину съ л з и—сълзѣ чувствуется какъ форма глагольная, и произнесшаго съ л з ѣ въ шутку переспрашиваютъ „ка к в ѧ съ л з ѣ?“—что слезится? (То же обстоятельство могло благопріятствовать накоренному акцентованію слова в ѣ р в и: в ѣ р в ѣ значить бѣжить, идти). Также у ѡновокъ съ наконечнымъ удареніемъ, и притомъ безъ исключеній, мно́жное число не расходится по ударенію съ оди́ннымъ: к р и л ѧ—к р и л ѧ, р е б р ѧ—р е б р ѧ. Зато обратное явленіе, наконечная акцентовка мно́жнаго числа при накоренной одинаго, замѣчается чуть ли не во всѣхъ случаяхъ: б л ѧ т ѧ—б л ѧ т ѧ (срв. русское областное болотѧ), ж ѣ т ѧ—ж п т ѧ. о г л е д ѧ л ѧ о з е р к ѧ л ѧ о—о г л е д ѧ л ѧ ѧ.

У словъ муж. р. вм. и весьма нерѣдко бываетъ ѣковое окончаніе *ѡѧ*, напр. с ѣ н ѡ ѡ ѡ. Т. к. слова ѣковаго склоненія въ староцерковномъ всѣ двусложныя, а въ болгарскомъ становятся односложными, то легко могло развиваться правило, что односложки всегда принимаютъ *ѡѧ*: к ѧ л—к ѧ л ѡ ѡ ѡ, н ѧ ж—н ѧ ж ѡ ѡ ѡ. Вышепомянутыя з ж б и и п ѣ н ѣ принадлежатъ къ единичнымъ исключеніямъ. Удареніе въ ѣковой множинѣ падаетъ то на ѧ, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, то на корень, то на конечное *ѧ*, напр. д ж б—д ж б ѡ ѡ ѡ, п ѧ п—п ѧ п ѡ ѡ ѡ (или п ѧ п ѡ ѡ ѡ), г р ѣ х—г р ѣ х ѡ ѡ ѡ, б ѧ й—б ѧ й ѡ ѡ ѡ (или б ѧ й ѡ ѡ ѡ). Еще мы встрѣчаемъ у ѣровокъ и у азѡвокъ окончаніе *ѧ*, которое можно вывести изъ назывно-винильнаго ѧ; оно и является именно у словъ принадлежащихъ къ мягкимъ различіямъ. Напр. ѡ ѡ ѡ ѡ (рядомъ съ ѡ ѡ ѡ ѡ) староцерк. ѡ ѡ ѡ ѡ; с ѡ ѡ ѡ ѡ (р. со с ѡ ѡ ѡ ѡ—одина усѣченная: с ѡ ѡ ѡ ѡ) староцерк. ѡ ѡ ѡ ѡ; м ѧ ѡ ѡ (р. съ м ѧ ѡ ѡ ѡ), къ м ѧ ѡ ѡ м ѧ ѡ ѡ,—староцерк. винильникъ м ѧ ѡ ѡ ѡ; к ѧ ѡ ѡ (р. съ к ѧ ѡ ѡ ѡ: к ѧ ѡ ѡ значить нитка)—к ѧ ѡ ѡ ѡ. Затѣмъ бытуетъ также окончаніе *иѧ*, обыкновенно чередующееся съ простымъ *ѧ*, могущимъ считаться сокращеннымъ изъ него: л ѧ к т ѣ ѧ и л ѧ к т ѣ ѧ, ц ѧ р ѣ ѧ и ц ѧ р ѣ ѧ, м ж ж ѧ ѧ и м ж ж ѧ ѧ: это, надо полагать, ижевое окончаніе (п ж т ѧ—п ж т ѧ ѧ), распространившееся за свои предѣлы: уже въ староцерковномъ мы встрѣчаемъ ц ѧ с ѧ р ѧ ѧ м ж ж ѧ ѧ. Далѣе, мы у нѣкоторыхъ мужескихъ односложекъ находимъ окончаніе *иѧ ѧ*: п ж т (съ членомъ п ж т ѧ т) образуетъ п ж т ѧ ѧ ѧ, т р ѧ п ѧ ѧ ѧ (съ членомъ т р ѧ п ѧ т ѧ т)—т р ѧ п ѧ ѧ ѧ ѧ. *Иѧ ѧ* рядомъ съ *ѡѧ ѧ* мы видимъ у словъ д ѧ ѧ и г р ѧ д—д ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ и д ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ, г р ѧ д ѧ ѧ ѧ ѧ и г р ѧ д ѧ ѧ ѧ ѧ. Т. к. *иѧ ѧ* есть среднеродное окончаніе, то нисколько не удивительно, что членъ при немъ является въ видѣ *ѧ ѧ*: д ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ, но д ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ. Обратимъ теперѣ вниманіе на слова, множина которыхъ представляетъ распространеніе основы—н ѧ р ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ ѧ. Прежде всего на т ѧ ѧ, гдѣ наро-

щеніе есть слѣдъ древней созвучничной (согласной) основы. Мы находимъ нарощеніе *н*: *врѣмѣ*—*врѣменѣ*, *рамо*—*раменѣ*; находимъ также *м*: *телѣ* (тѣле)—*телѣта*, *агнѣ*—*агнетѣ*. Первое нарощеніе понесло нѣкоторыя утраты въ пользу второго: вмѣсто *именѣ* говорятъ также *имѣта*, а *брѣмѣ* и *вѣмѣ* (или *имѣ*, **кыма*) постоянно образуютъ *брѣмѣта* и *вѣмѣта* (*имѣта*). Окончаніе *ета*, передъ членомъ. вслѣдствіе встрѣчающагося и въ другихъ случаяхъ расподобленія, можетъ опускаться *т*, такъ что *агнетѣта* превращается въ *агнетѣа*. Нарощеніе *т* переходитъ и къ словамъ оноваго склоненія. мягкаго различія: *полѣ* и *морѣ* образуютъ не только *полѣ* и *морѣ*, но и *полѣта*, *морѣта*. То же нарощеніе является у отглагольныхъ именъ на *е* в. м. *имѣ*, *имѣ*: *ходѣне* *хожденіе*, *пранѣ* *праніе* *стирка*—*ходѣнетѣа*, *пранѣта*. Эсовое нарощеніе представляютъ слова *чѣдо* и *небѣ*—*чудеса*, *небеса*, изъ коихъ второе, очевидно подъ вліяніемъ древнихъ косвенниковъ *небесъ*, *-си* и т. д., приобрѣло окончаніе *е* в. м. *о* *). Вторичное нарощеніе, т. е. употребленіе во множинѣ распространительнаго суффикса, мы видимъ у личныхъ названій на *о*. напр. *плѣчѣо* *плакса*, *крѣдѣо* *воръ*—*плѣчѣовци*, *крѣдѣовци*. То же окончаніе *овци* присвоено именамъ собственнымъ, которымъ, конечно, лишь изрѣдка приходится имъ пользоваться: *Драгѣн*, *Добри*, *Никѣла*—*Драгѣновци*, *Добровци*, *Никѣловци*. На *овци* кончается также множина именъ фамильных, но прибавкою тутъ является только *ии*, т. к. уже единина представляетъ *ов*: *Цѣнѣков*—*Цѣнѣковци*, *Милѣдинѣв*—*Милѣдинѣвци*. Про собственные имена женскія и про нѣкоторыя названія родственницъ утверждаютъ, будто они во множинѣ замѣняютъ *а* посредствомъ *ии*. Дѣйствительно, при какомъ-нибудь *Рѣтка* мы встрѣчаемъ множинную форму *Рѣткини*, при какомъ-нибудь *кѣка* (старшая сестра, тетка) *кѣкини*: но это не значитъ нѣсколько *Радѣкъ* или нѣсколько *тетѣкъ*, а значитъ *Рѣдкина* или *теткина* семья, домъ.

*) Нарощальныхъ формъ у словъ муж. и жен. р. не сохранилось. Отметимъ, что вѣдѣвки кончаются теперь на *а*: *свѣкѣрѣва*, *чѣркѣва* (*свѣкры*, *чѣрки*). Что до *ѣровѣкъ*, то дочь по-болгарски *дѣщерѣя*—явная новотворка ко множинѣ *дѣщерѣ* (всѣчетъ акцентѣвки послѣдней сравнимъ русскіе косвенники *дѣщерѣй*, *-рѣм*, *-рѣмѣ*, *-рѣх*); уцѣлѣло впрочемъ, въ качествѣ зовника, „дѣщѣи“. *Матѣи* замѣнилось ласкальной производной *мѣйѣка*. *Камѣи* и **кѣрѣи* также замѣнены производными *камѣицѣ* и *кѣрѣицѣ*: *кѣмицѣ*, *крѣмицѣ*, чаще, съ постановкой другой производки, *кѣмѣцѣ* и *крѣмѣцѣ*, образующія множину *кѣмѣци*, *крѣмѣци* и *кѣмѣни*, *крѣмѣни*.

Для обозначенія множины служатъ и нѣкоторые остатки *двоиннаго числа*. Рог и крак (нога, crus) образуютъ рогá, кракá, съ членомъ—рогáта, кракáта. Подобный же остатокъ двоинны, но съ другимъ окончаніемъ, есть ржцѣ къ ржкá (ржкa). Также слово ногá можетъ образовать двоинную форму нозѣ, рядомъ со множинною—ногí. Двоинную множину имѣютъ еще окó и ухó—очí, ушí. (Акцентовка, какъ мы видѣли уже не разъ, изъ косвенниковъ: срв. новочерк. оуѣсѣ, оуѣсн и русскія очей,-ам,-ами,-ах). Всѣ отмѣченные здѣсь слова—названія парныхъ частей тѣла.

Немало, наконецъ, случаевъ, когда множина замѣняется именами *сборными*. Какъ во всѣхъ почти славянскихъ языкахъ, это происходитъ у слова брат—брáтия или брáтя. Кромѣ того сборническое окончаніе *ия* (чаще просто *я*), всегда ударяемое, нерѣдко употребляется рядомъ съ настоящимъ множиннымъ окончаніемъ: бѣлгарин—бѣлгарини бѣлгарі, бѣвол—бѣволи и биволя, нѣва—нѣвини нивá, кжща—кжщи и кжщя и т. д. Такова же форма дѣчнá (-чá) къ дѣтѣ, при обыкновенной, но также не настоящей, а сборнической, множинѣ дѣцá. (Дѣцá = сербскому дјѣца, основному дѣтца, меньшнльницѣ къ старосербскому и праславянскому дѣти, которое въ большинствѣ славянскихъ языковъ приняло множинныя окончанія: дѣти, дѣтми и т. д.). Отчасти къ сборницамъ принадлежатъ также множины на *е*, при коихъ въ областной рѣчи ставится членъ то: гѣлжбѣт le pigeon, die Taube, множина—гѣлжбето.

Замѣтимъ еще одну турчин турокъ при множинѣ турци (какъ по-сербски турчин и турци) и выраженіе множины слова чолѣк другимъ словомъ—хóра, равнымъ, очевидно, греческому χορз земля, страна; обычная у остальныхъ славянъ замѣна люднѣ (людe) встрѣчается лишь въ македонскомъ нарѣчїи.

Обратимся теперь къ сохранившемуся въ болгарскомъ языкѣ измѣненію по падежамъ.

Имѣется (понятно, только въ единѣ) особая форма для падежа *зовнаго*. Мы видимъ извѣстное окончанье азоваго склоненія *о*, перенесенное также на слова мягкаго различія: крáва—крáво, владѣка—владѣко, сестрá—сѣстро, водá—вóдо, робѣня—робѣньо, Марѣя—Марѣйо. Е сохранилось только у словъ на -ица: царѣца—царѣце, телѣца телка—телѣце, и съ нихъ перешло къ словамъ на -ка: пѣрвоскѣнка первородная дочь—пѣрвоскѣнке. Рáтка—Рáтве. Мужескія имена на *а* зовника не образуютъ: форма Никóла, Козмá служатъ и зовникомъ. Замѣтимъ еще, что звуки *о* и *е* въ зовномъ падежѣ, несмотря на безударность,